

ЕВГЕНИЙ Г. ЦУРКАН¹

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0807-6558

Причины возникновения и роста социальных движений в контексте интернет-исследований

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-210-226

Резюме:

Статья посвящена описанию и классификации причин возникновения и роста социальных движений в контексте распространения интернет-сетей. Выделяется пять групп причин возникновения и развития социальных движений на трех уровнях исследования общества. Функциональные причины, находящиеся на макроуровне анализа, структурные и пространственные условия, предоставляющие поле возможностей для протестной деятельности, психологические и идеологические причины, мотивирующие участников социальных движений на микроуровне. Выделенные причины разбиваются на пять тем, каждая из которых соотносится с именами классиков XIX столетия, занимавшихся тематизацией и разработкой соответствующей причины: а) тема Дюркгейма — общее коммуникативное пространство; б) тема Тенниса — психическая мотивация; в) тема Маркса — «объективные» структурные напряжения в обществе; г) тема Вебера — изменение структуры политических возможностей; д) тема Сен-Симона и Конта — идеологическая мотивация. В статье осуществлено двойное теоретическое движение. С одной стороны, описываются причины возникновения и роста социальных движений, с другой — указываются классические исследования социальных движений и современные интернет-исследования, в рамках которых данные причины получили свое описание. Обозначенные темы составляют своего рода координат-

210

1 Цуркан Евгений Геннадьевич — кандидат философских наук, старший преподаватель Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Научные интересы: социальная философия, философия техники, теория медиа, интернет-исследования. E-mail: unigendeth@gmail.com
Публикация подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Acknowledgments: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

ную сетку, которая позволяет установить причины появления и развития социальных движений. В конкретных социальных движениях одна или несколько причин могут преобладать или, напротив, влиять лишь в незначительной степени в сравнении с другими. Ни одна из причин, взятая в отдельности, не представляет собой достаточного основания для роста социальных движений и протестной активности, поэтому при изучении социальных движений должна учитываться каждая.

Ключевые слова: социальные движения, протестная активность, интернет, коммуникативное пространство, структурное напряжение, психическая мотивация, структура политических возможностей, идеология

Evgeniy G. Tsurkan¹

Lomonosov Moscow State University, Russia

Reasons for the Emergence and Increase of Social Movements in the Context of Internet Studies

Abstract:

The article is devoted to the description and classification of causes for the emergence and increase of social movements in the context of the spread of internet networks. The article identified five groups of causes for emergence and development of social movements at three levels of social studies. The author identifies functional causes at the macrolevel of analysis, structural and space conditions that provide a field of opportunities for protest activity, and psychological and ideological reasons that motivate participants of social movements at the microlevel. The article divides the highlighted causes into five themes, each of which correlates to relevant classical scholars of the XIX century: a) Durkheim's theme — communicative space; b) Tönnies' theme — mental motivation; c) Marx's theme — "objective" structural strain in society; d) Weber's theme — changing the structure of political opportunities; e) the theme of Saint-Simon and Comte — ideological motivation. The article describes the reasons for emergence and growth of social movements and cites classical studies of social movements and modern Internet Studies, in which these reasons were described. The designated themes are a coordinate grid that allows researchers to determine the causes of emergence and development of social movements. In particular social movements, one or more causes may prevail or, on the contrary, exert a comparatively minor influence. Nevertheless, none of the groups of causes, taken separately, are a sufficient basis for the growth of social movements and protest activity, therefore, each reason must be considered in the study of social movements.

¹ Evgeniy G. Tsurkan — PhD, Senior Lecturer, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. Research interests: Social philosophy, philosophy of technology, media theory, Internet research. E-mail: unigendeth@gmail.com

Keywords: social movements, protest activity, internet, communicative space, structural strain, mental motivation, structure of political opportunities, ideology

На протяжении XX века оптика, распознающая социальные движения¹ в качестве маргинальных и иррациональных событий, сигнализирующих об «общественной дисфункции», была последовательно заменена. Функции и статус социальных движений стали пониматься в более конструктивном ключе и соответствующим образом описываться. Г. Блумер называл социальные движения «одним из главнейших способов, которым переделываются современные общества» [Blumer 1969: 165]. Л. Киллиан обозначал социальные движения как «создателей социальных преобразований» [Killian 1964: 426], М. Адамсон и С. Боргос — в качестве «носителей исторических проектов» [Adamson, Borgos 1984: 12].

212

Появились различные конкурирующие между собой теоретические подходы к описанию социальных движений. Структурно-критический подход «настаивает на функции вскрытия протестом структурных напряжений или противоречий, возникающих в обществе» [Бараш, Антоновский 2019: 102]. Сходным образом волнения в обществе как результат структурного напряжения были описаны в функционалистской теории Н. Смелзера [Smelser 1962]. В ресурсно-мобилизационном подходе протест рассматривается как ресурс извлечения и максимизации «прибыли» относительно издержек участия в движении [Бараш, Антоновский 2019; Гидденс, Саттон 2019].

В результате волны протестов, прокатившейся по миру в 1960-х годах, на политическую арену вышли «новые социальные движения», имевшие более свободные организационные формы, что сформировало запрос в научном сообществе на разработку нового языка описания социальных движений или уточнение старого. Ответом стала теория «коллективной идентичности», носители которой передают символические сообщения о назревших в обществе проблемах [Melucci 1989]. Данный подход близок к «символически-интеракционистскому», в котором «протестное движение рассматривается как ключевой фактор социальной динамики, состоящий в борьбе за публичное определение ситуации, как фактор

1 Под социальными движениями мы понимаем свободно организованный неинституционализированный тип коллективного действия, базирующийся на общих для участников ценностях и целях и направленный на осуществление изменений в обществе или активно препятствующий таковым. Социальным движениям свойственно регулярное использование различных форм протеста.

в определении, генерировании и продвижении собственной идентификации, воплощение новых образов жизни» [Момджян, Бараш (ред.) 2019: 5]. Все описанные выше теории объединяет положение, согласно которому социальные движения являются не результатом общественной дисфункции или социальной аномии, но обладают функцией, которую нужно зафиксировать и описать.

В современном мире возникает и развивается все больше социальных движений, в том числе радикальных. Протест становится частью нормальной работы политической системы. Устойчивый рост количества различных социальных движений и их тематического разнообразия позволяет исследователям заявить о наступлении «эры социальных движений» [Штомпка 1996: 343] или появлении «общества социальных движений» [Meyer, Tarrow 1997]. В настоящий момент социальные движения переживают трансформацию, связанную с распространением интернета — информационной технологии, опосредующей протестную коммуникацию. Целью данного исследования является выявление и классификация причин, обусловивших особую важность социальных движений в цифровую эпоху, и соответствующих теоретических разработок. Помимо функциональных причин, находящихся на макроуровне анализа, следует выделить психологические и идеологические причины, мотивирующие агентов на микроуровне, а также структурные и пространственные условия, составляющие поле возможности для осуществления протестной деятельности. Мы предполагаем, что ни одна из групп причин не представляет собой достаточного основания для роста социальных движений. Обозначенные нами причины находятся в отношении взаимодополнительности.

213

Для достижения обозначенной цели мы воспользуемся теоретическими разработками П. Штомпки, который в произведении «Социология социальных изменений» выделил семь причин роста протестных движений в конце XIX — начале XX столетия. Выделенные причины П. Штомпка разбивает на пять тем, приписывая каждую классику XIX столетия, который занимался разработкой данной объяснительной модели: а) тема Дюркгейма, б) тема Тенниса, в) тема Маркса, г) тема Вебера, д) тема Сен-Симона и Конта. В качестве отдельных, не соотношенных с именами классиков, причин бурного роста социальных движений он выделяет образовательный подъем и возникновение средств массовой информации [Штомпка 1996: 343–344]. В нашу классификацию последние две «безымянные» причины не попадут, поскольку появление и развитие средств массовой информации является общей темой для данного исследования (исследование посвящено тематизации социальных движений в интернет-исследованиях), а определенный уровень образования является базовым условием использования интернета. Задачей на-

шего исследования станет рецепция пяти классических тем, в которых ухватываются отдельные причины появления и роста социальных движений, и их применение к описанию современной волны протестов, связанной с распространением интернета.

Мы решили воспользоваться именно классификацией Штомпки ввиду *трех причин*. Во-первых, это позволит реактуализировать наследие классиков, что даст в дальнейших исследованиях большое количество теоретических ресурсов и крепкую методологическую основу. Во-вторых, в классификации Штомпки осуществлено двойное описательное движение: с одной стороны, описываются причины возрастания значимости социальных движений как общественного явления, с другой стороны, эти причины обозначены в качестве тем, то есть теоретических традиций. Схожий концептуальный жест мы собираемся осуществить в данной статье, одновременно указывая как на причины роста социальных движений, так и на конкретные работы, в которых эти причины тематизированы. В-третьих, современные исследования, посвященные установлению связи между повышением протестной активности и распространением интернета, часто повторяют классические исследовательские ходы и используют схожие объяснительные модели с учетом изменившихся политико-социального и технологически-медийного контекстов. Теперь обратимся непосредственно к каждой из тем и раскроем, как каждая из них работает в контексте современных интернет-исследований.

214

Тема Дюркгейма: коммуникативное пространство

Первой темой и причиной, обусловившей возрастание значения социальных движений в новейшей истории, является тема Дюркгейма, под которой подразумевается простое физическое скопление больших масс людей, связанное с урбанизацией и индустриализацией. «Это создает большие возможности для контактов и взаимодействия, выработки единой точки зрения, общей идеологии и сплочения единомышленников. Короче говоря, шансы для мобилизации социальных движений существенно увеличиваются» [Штомпка 1996: 343].

Следуя логике данной темы, само скопление больших масс людей в одном *физическом* пространстве дает возможность для мобилизации социальных движений. В современных условиях цифровизации публичного пространства этот тезис можно видоизменить, отчего он не потеряет своей убедительности: простое наличие людей с потенциально общими интересами в едином *коммуникативном* пространстве интернета мобилизует протест. Пространство интернета, конечно, не является единым, распадаясь на различные

платформы и пучки взаимодействий. Однако в обыденных интернет-практиках большинство людей используют социальные сети, в которых взаимодействуют с достаточно ограниченным кругом пользователей. Алгоритмы рекомендаций, формирующие новостную ленту, выполняют гомогенизирующую функцию, предлагая пользователю ту информацию, к которой он уже проявил интерес. Согласно теории Дж. Ланира, работа алгоритмов приводит к повышению «плотности» коммуникации и вовлечения пользователя, вместе с тем создавая иллюзию, что его точка зрения на политические процессы является наиболее представительной и адекватной. Информационный пузырь, созданный работой алгоритмов, приводит к формированию внутри информационного пространства социальных сетей закрытых групп людей, разделяющих общие политические взгляды [Lanier 2018].

Нахождение в пространстве интернета как причина протестной активности встречается в достаточно большом количестве русских и зарубежных статей, написанных в период между 2011 и 2013 годами и посвященных интернет-протесту. Как пишут в своем исследовании З. Кныжова и И. Суслов: «...своеобразие российского научного дискурса в первой половине 2010-х заключалось в определении Интернета как первопричины протестной мобилизации» [Кныжова, Суслов 2019: 60]. Серьезное влияние интернета на политические события заинтересовало Российских исследователей во время протестных движений 2011–2013 годов, главной символической локацией которых стала Болотная площадь. Обнаружив корреляцию между распространением интернета и участием людей в митингах, исследователи поспешили сделать вывод о наличии причинно-следственной связи. Е. Драчева и А. Щербак в своем исследовании указывают на связь между уровнем проникновения интернета и числом протестов в российских регионах [Драчева, Щербак 2012]. В западных исследованиях акцент был сделан на возможности мобилизации граждан посредством интернета против авторитарных режимов [Reuter, Szakonyi 2013]. Более того, события «арабской весны» настолько вдохновили американских исследователей, что «Facebook-революция» и «Twitter-революция» стали расхожими фразами, протестные манифестации на площади Тахрир в Каире были объявлены заслугой Кремниевой долины, а социальные сети чуть ли не главным проводником демократизации авторитарных режимов [Lanier 2018: 81–82].

Обозначение распространения интернета в качестве причины роста протестной активности является в высшей степени проблематичным. Согласно количественному исследованию Г. Волфсфельда и др., проведенному в 2013 году на материале опроса респондентов из 20 арабских стран, более значимой статистической корреляцией

является соотношением политической активности с уровнем коррупции и соблюдения прав человека, а не со степенью интернетизации. Авторы приходят к выводу, что повышение активности использования интернет-сети является следствием протестной активности, а не причиной. Об этом свидетельствует рост количества зарегистрированных в Facebook пользователей в тех арабских странах, где протесты уже начались [Wolfsfeld, Segev, Sheaffer 2013]. К схожим выводам пришли С. Гонзалес-Бейлон и ее коллеги в результате опроса авторов твитов о протестах в Испании в 2011 году (движение «Indignados»). Проведенное исследование показало, что большинство пользователей, писавших протестные твиты, активизировались только после начала протестов [Gonzalez-Bailon, Borge-Holthoefer, Mogeno 2013].

216

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что интернет является полезным инструментом для: а) мобилизации и координации протеста; б) преодоления цифровых блокад, выстраиваемых провластными СМИ вокруг протестной активности; в) формирования коллективной идентичности протестующих. Однако сама возможность коммуникации в цифровом пространстве не является достаточной причиной роста протестной активности. В интернете могут коммуницироваться различные темы. Это «генеративное» или плодovitое сообщество в терминах Дж. Зиттрэйна [Zittrain 2008], в избытке производящее коммуникацию, но чтобы эта коммуникация была именно протестной и массовой, должны быть дополнительные причины. Это приводит нас к теме Маркса, в которой акцент ставится на референте протестной коммуникации — внешнем объекте, к которому коммуникация отсылает, то есть к структурным напряжениям и общественным дисбалансам.

Тема Маркса: структурные напряжения

Под темой Маркса Штомпка понимает «беспрецедентный рост социального неравенства, ступенчатую иерархию богатства, власти и престижа, что характерно для современной капиталистической экономики» [Штомпка 1996: 344]. Чрезмерная эксплуатация, поляризация общества, гендерное неравенство и экономические кризисы являются значимыми причинами для объединения людей. В более общем виде данную тему можно обозначить как структурные напряжения, выступающие в качестве внешнего референта протестной коммуникации. В теме Маркса основной причиной протестной активности выступает «объективный» дисбаланс в работе социальных макросистем, порождающий общественное напряжение.

Согласно К. Марксу, антагонистическая форма процесса общественного производства, к которой относятся буржуазные производственные отношения, в своей работе усиливает имеющийся антагонизм, вместе с тем создавая материальные условия для его разрешения, причем под «разрешением» понимается исключительно революция. Несмотря на имеющиеся попытки, ни одной неантагонистической формы общественного производства на данный момент создано не было, поэтому мы воспользуемся усеченной версией вышеизложенного тезиса, а именно: в процессе нормальной работы основные макросистемы общества порождают объективные экономические, политические и иные формы неравного распределения ресурсов, которые становятся референтом протестной коммуникации.

Относительно событий «арабской весны», помимо приведенного выше исследования Г. Волфсфельда и др. [Wolfsfeld, Segev, Sheaffer 2013], объективные структурные напряжения в качестве основной причины протеста заявляются в исследовании С. Циреля, который приходит к заключению, что накал протестов в арабских странах тем опасней, чем выше уровень безработицы среди молодежи и доля дискриминируемых национально-религиозных групп [Цирель 2012]. И. Аллагуи и Дж. Кеблер также отмечают значимость для протестной мобилизации таких факторов, как безработица, классовое неравенство, коррупция и цензура [Allagui, Kuebler 2011].

217

Несмотря на высокую степень влияния структурных напряжений на протестную активность, данная причина не является ни единственной, ни доминирующей ввиду двух обстоятельств. Первое состоит в том, что социальной несправедливости, чтобы вызвать протестные настроения, мало просто быть, ей надо быть очевидной. Общественное напряжение должно быть в достаточной степени явным, чтобы быть тематизированным в протестной коммуникации и выступать ее референтом. Многие общественные институты рефлексивно или нерефлексивно подразумевались в качестве «нормальных» до тех пор, пока не были артикулированы в качестве латентной формы угнетения. Например, институты патриархальной семьи, монархии, рабства могут признаваться «нормальными» всеми членами общества и не вызывать протестных настроений, но будучи заявленными в качестве несправедливых и угнетательских явлений в рамках социального движения суффражисток, республиканской революции или восстания Спартака, они становятся «объективными» причинами протеста. То есть социальные явления просто «есть» до тех пор, пока внутри протестной коммуникации они не получают статус «несправедливых», только после этого они могут стать причиной протеста. Таким образом, протестные движения не только выступают против существующих про-

блем, являясь в этом смысле «реактивными», но и выявляют новые, создают их, являясь «проактивными».

Второе обстоятельство состоит в том, что, если оставлять за протестной коммуникацией лишь функцию практической рефлексии уже существующих проблем, нельзя объяснить, почему при сходном наборе вводных данных мы в одном случае получаем на выходе рост протестной активности, а в другом — нет. Например, проблемы электоральной системы в Белоруссии, которые коммуницировались в белорусских протестах 2020–2021 годов, существовали и в 2015 году, на прошлом витке электорального цикла, но к массовым протестам привели только в 2020-м.

Тема Вебера: структура политических возможностей

218

В теме Вебера внимание акцентируется на демократических преобразованиях политической системы, при которых объединение в политические группы и отстаивание своих интересов из маргинального и негативно санкционируемого поведения становится не просто законным правом, но гражданским долгом. В более общем виде эту тему можно сформулировать следующим образом: причиной роста протестной активности служит расширение поля политических возможностей. Данное расширение может быть достигнуто различными средствами: либеральными преобразованиями по типу включения в политическое поле ранее исключенных из него групп, реформированием действующих демократических институтов с целью устранения явных и неявных барьеров, затрудняющих процедуры делегирования и волеизъявления граждан, наконец, внедрением новых медиа, опосредующих публичную политику. Развивая тему Вебера в контексте интернет-исследований, следует задаться вопросом: каким образом внедрение интернета в существующие институты власти и модели политического действия видоизменяет распределение власти, а также тактики и стратегии, используемые в социальных движениях.

Согласно мнению одного из самых известных интернет-теоретиков М. Кастельса интернет, будучи встроенным в существующие политические структуры, приводит к их существенному видоизменению, открывая новое поле действия для социальных движений. В работе «*Networks of Outrage and Hope*» [Castells 2012] Кастельс формулирует гипотезу, согласно которой новые формы социальных движений, впервые появившись в Исландии в конце 2008 — начале 2009 года («кастрюльная революция»), распространились в Тунисе и Египте, а позже во всех арабских странах («арабская весна»). Затем новые формы сетевых протестных практик были применены

в Испании (движение «Indignados») и американским движением «Occupy Wall Street». Согласно Кастельсу, сетевые формы протестных движений являют собой новую форму гражданского общества. Социальные движения, использующие для мобилизации и координации интернет-сети, оказались столь востребованными и популярными по причине того, что старые политические институты не отвечают требованиям граждан, из-за чего образуется «дефицит демократии», при котором граждане перестают доверять своим представителям. Кастельс отмечает, что в описанных им социальных движениях интернет выступает в качестве автономного, горизонтального и децентрализованного пространства, свободного от государственного и корпоративного контроля, где люди могут делиться своими возмущениями и надеждами напрямую, без необходимости делегировать право высказывания политическому представителю, и каждый может быть услышанным. Возможность транслировать информацию сквозь национальные границы и экспортировать протестные практики также отмечает А. Келдераро [Calderaro 2018].

С рядом положений Кастельса можно согласиться, однако достаточно распространенная точка зрения, состоящая в том, что коммуникация, в том числе протестная, опосредованная интернет-сетью, является децентрализованной и горизонтальной, не выдерживает критики. Как пишет С. Гонзалес-Бейлон в совместной с Н. Вангом статье: «Эмпирический анализ показывает, что онлайн-сети высокоцентрализованные и фрагментированные структуры, а не горизонтальные и изменчивые, какими их часто представляют» [Gonzales-Bailon, Wang 2016: 97]. Кастельс исходит из положения о том, что контроль над информационным потоком порождает асимметрию, давая людям, контролирующим «информационные шлюзы», власть, а интернет децентрализует поток информации и подрывает старые модели власти и гегемонии, демократизируя политические процессы [Castells 2013]. Подразумевается, что власть опирается на способность контролировать общественное мнение, то есть «власть основана на контроле над коммуникацией и информацией, будь то макровласть государства и медиакорпораций или микровласть организаций всех сортов и видов» [Castells 2013: 3]. Интернет же разрушает возможности монопольного владения информацией, лишает «привратников» выделенного положения и, следовательно, власти. Однако социологическое исследование испанского движения «Indignados» и американского «Occupy Wall Street», проведенное С. Гонзалес-Бейлон и Н. Вангом методом снежного кома, показало, что большинство онлайн-сетей организованы вокруг структурных дыр, которые препятствуют распространению информации. Наличие мостов,

переброшенных через эти дыры, и содействие со стороны информационных «брокеров» являются необходимыми условиями для распространения любой информации, в том числе и протестной. Естественно, положение посредника является структурно выделенным и порождает асимметрию, которая в свою очередь является источником власти, возможности которой не разрушены, а перераспределены [Gonzales-Bailon, Wang 2016].

Асимметрия в распределении и распространении информации, структурные разрывы, необходимость брокерства и участие инфлюенсеров в формировании общественного мнения могут быть использованы в том числе и правительственными организациями, причем не только демократическими, но и авторитарными, что окончательно дискредитирует мысль о том, что интернет-технологии имеют исключительно демократический потенциал. Иными словами, интернет действительно приводит к трансформации политических институтов и перераспределению власти, однако не подрывает основанную на информационной асимметрии властную модель. Следовательно, распространение интернет-технологий в каком-либо национальном государстве не является достаточной причиной для развития протестных движений, более того, оно может приводить к спаду протестной активности.

220

Тема Тенниса: психическая мотивация

Темой Тенниса П. Штомпка обозначил опыт переживания отчуждения, «одинокства в толпе», который формирует особого рода запрос на включенность в группу, стремление к солидарности и сплоченности. Массовое распространение опыта отчуждения напрямую связано с процессом урбанизации, вызванным развитием капиталистических отношений в странах Европы и приведшим к обезземеливанию крестьян и вынужденному переселению последних в города. Данная тема возникла в определенном историческом контексте, в более общем виде ее можно обозначить как психическую или эмоциональную причину участия в социальных движениях. Согласно логике данной темы, популярность и рост социальных движений определяются особого рода переживаниями, психическими состояниями, распространенными в какой-либо социальной группе. Этот опыт может быть обозначен как чувство несправедливости, депривации, субъективно переживаемого неравенства, ощущение незащищенности или «прекарности», угрозы потери благ. Вне зависимости от конкретного обозначения интерес подобного рода исследований смещается к субъективному состоянию психики.

На протяжении второй половины XX века в Америке развивается депривационно-психологический подход, в котором одной из главных причин участия в социальных движениях обозначено переживание депривации потребностей. Функция социальных движений заключается в прекращении психических страданий, связанных с этим чувством [Gugney, Tierney 1982]. Люди испытывают чувство депривации в случае, если находят свое социальное положение менее благоприятным в сравнении с другими индивидами или группами, а также в сравнении со своим прошлым положением. Большое значение имеет, какая референтная группа берется для сравнения. Стоит отметить, что перманентно плохие условия жизни (абсолютная депривация потребностей) сами по себе не вызывают протеста, в то время как резкое ухудшение условий жизни после длительного периода материального благополучия (относительная депривация) способно вызвать массовый протест, поскольку воспринимается большинством людей как несправедливость. Однако, как отмечает А. Ш. Гусейнов, «...модель относительной депривации не объясняла, как индивидуальная неудовлетворенность переходит в коллективный протест. Некоторые авторы отмечали, что чувство неудовольствия не всегда связано с протестом» [Гусейнов 2012: 87].

221

Современная исследовательница В. Боттеро в работе «A Sense of Inequality», развивая тему субъективного переживания неравенства, настаивает на примате изучения личного и местного неравенства над «объективным». В. Боттеро аргументирует предпочтительность «методологического локализма» тем, что люди понимают и чувствуют неравенство, реализуемое в их собственной повседневной жизни, гораздо острее, чем «объективные» и «удаленные» от индивида формы неравенства. «Объективное» неравенство не имеет прямого отношения к росту протестных настроений в обществе. Приведенные в исследовании опросы показывают, что мнения о неравенстве вообще, высказанные респондентами, отличаются ограниченным видением и достаточно абстрактны, в то время как чувство «субъективного неравенства» переживается довольно остро [Bottero 2020]. Методологический локализм, предложенный Боттеро, достаточно близок к теоретическим решениям, предложенным в рамках депривационно-психологического подхода, а концепты объективного и субъективного неравенства сходны с абсолютной и относительной депривацией. Важный вопрос, как индивидуальная неудовлетворенность переходит в коллективный протест, в рамках обоих подходов остается неразрешенным.

Безусловно, субъективное переживание неравенства и несправедливости является важной причиной роста протестных движе-

ний, но эмоция должна приобрести статус социально значимой для того, чтобы мобилизовать большие группы людей для участия в социальном движении. Эмоция как мотивирующая сила, имеющая своим источником психику, при специфических обстоятельствах должна из системы психики перейти в статус социальной установки, нормативного ожидания, встроенного в социальную структуру, должна стать «социальной эмоцией». «Социальный характер некоторой психической эмоции означает лишь то, что в специфической ситуации, когда от человека ожидается выражение некоторого чувства, он должен действовать так, как будто он испытывает это чувство, даже не испытывая его» [Момджян, Бараш (ред.) 2019: 11]. Прояснение специфических обстоятельств и ситуаций, при которых такой переход становится возможен, потребует привлечения дополнительных теоретических ресурсов, находящихся вне области психологии.

Тема Сен-Симона и Конта: идеологическая причина

222

В последней теме внимание акцентируется на вере в то, что социальные изменения напрямую зависят от действия людей, что общественное положение вещей может быть изменено к выгоде участников социального движения. В более общем виде эту тему можно сформулировать как влияние веры в эффективность собственных коллективных действий по переустройству общества. В контексте интернета эта вера выражается в идее эффективности новых сетевых форм протеста как для выражения несогласия с существующим положением вещей, так и для его изменения.

Убежденность в эмансипационном и демократизирующем потенциале интернета проявляется тройным образом. Во-первых, люди, принимающие участие в протестных акциях, используют интернет-сети для мобилизации и координации своих действий, исходя из предположения, что эта технология повысит шансы на успех и массовость протестной акции. Важно отметить, что учитывается как действительная эффективность интернет-медиа в реализации протеста, так и манифестируемая. Например, сетевая форма организации протеста продемонстрировала свою эффективность в Исландии во время «кастрюльной революции» 2008–2009 годов, одним из последствий которой стала конституционная реформа [Castells 2012], после чего данная форма протеста начинает применяться в других странах как универсальная. В частности, одним из лозунгов испанского социального движения «Indignados» был: «Делай как Исландия». Если протесты в этих странах окажутся менее эффективными, это не отразится на убежденности в протестном потенциале интернет-технологий, в качестве причины неудачи будут

обозначены иные обстоятельства. Идея того, что интернет способен привести к демократизации общества, безотносительно того насколько она соответствует действительности, является мощным мотиватором для людей, принимающих участие в интернет-протесте. Во-вторых, вера в протестный потенциал интернета отражается на действиях власти по пресечению протеста. Силловые структуры, охраняющие сложившийся политический режим, часто прибегают к массовым блокировкам интернета, что лишний раз утверждает интернет-сети в качестве главного проводника протестных настроений. В-третьих, идея взаимосвязи роста протестной активности и распространения интернета отражается не только на людях, принимающих непосредственное участие в протесте или борьбе с ним, но и на исследователях, подтверждением чего служит растущее с каждым годом количество литературы, посвященной этой теме. В базу Science Direct в 1993 году было внесено 6 работ на данную тематику, в 2003-м — 50 работ, в 2013-м — 160 работ. В Scopus в 1996 году — 2 работы, в 2006-м — 215 работ, в 2013-м — 714 [Колозарида, Ульданов 2015].

Заключение

223

Пять тем, обозначенных нами в данной работе, дополняют друг друга, составляя координатную сетку, позволяющую установить и зафиксировать причины появления и развития современных, опосредованных интернет-медиа, социальных движений. Каждая из тем, впервые сформулированная классиками социальной теории XIX столетия, находит свое развитие в современном междисциплинарном направлении интернет-исследований с учетом изменившихся политико-социального и технологически-медийного контекстов. Это позволяет, с одной стороны, прочертить линии преемственности различных исследовательских подходов и объяснительных моделей, с другой стороны, указать на специфику исследования новых сетевых форм протеста, опосредованных интернет-медиа. В конкретных социальных движениях и связанных с ними протестных практиках одна или несколько названных причин могут превалировать или, наоборот, влиять лишь в незначительной мере в сравнении с другими, но при изучении любого конкретного проявления протеста все пять причин должны учитываться исследователем. Поскольку ни одна из причин, взятая в отдельности, не представляет собой достаточного основания для роста социальных движений, имеющих свойство выражаться в виде протестной активности, при изучении современных сетевых форм социальных движений должна учитываться каждая.

Библиография / References

Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю. (2019) Новые социальные движения и их эволюция в сетевую эпоху. *Вопросы философии*, № 7: 99–110.

— Barash R. E., Antonovskii A. Yu. (2019) New social movements and their evolution in the networked age. *Voprosy filosofii*, № 7: 99–110. — in Russ.

Гидденс Э., Саттон Ф. (2019) *Основные понятия в социологии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

— Giddens A., Sutton P. W. (2019) *Essential Concepts in Sociology*, M.: Higher School of Economics Publishing House. — in Russ.

Гусейнов А. Ш. (2012) Феномен протестного поведения. *Южно-российский журнал социальных наук*, № 2: 82–96.

— Guseinov A. Sh. (2012) The phenomenon of protest behavior. *Iuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, № 2: 82–96. — in Russ.

Драчева Е. А., Щербак А. Н. (2012) Политический Интернет и гражданское общество на выборах 2011–2012 гг. *Публичная политика-2011: сборник статей*. СПб.: Норма: 26–39.

— Dracheva E. A., Shcherbak A. N. (2012) Political Internet and Civil Society in the 2011–2012 Elections. *Publichnaia politika-2011: sbornik statei*, St. Petersburg: Norma: 26–39. — in Russ.

224

Кныжова З. З., Сулов И. В. (2019) Потенциал и перспективы политической мобилизации в интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте. *Власть*, № 5: 59–66.

— Knyzhova Z. Z., Suslov I. V. (2019) The Potential and Prospects of Political Mobilization in the Internet Space: A Review of Empirical Research in the World and Russian Context'. *Vlast'*, № 5: 59–66. — in Russ.

Колозариди П. В., Ульданов А. А. (2015) Интернет и общественные движения: анализ развития тематики в базах ScienceDirect и SCOPUS. *Социологический журнал*, 21 (3): 105–128.

— Kolozaridi P. V., Uldanov A. A. (2015) Internet and social movements: Analysis of topic development in ScienceDirect and Scopus databases. *Sociological Journal*, 21 (3): 105–128.

Момджян К. Х., Бараш Р. Э. (ред.) (2019) *Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения: Монография*, М.: Русское общество истории и философии науки.

— Modzhyan K. Kh., Barash R. E. (eds.) (2019) *New social movements in the network era: articles, interviews, expert opinions: Monograph*, M.: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki. — in Russ.

Цирель С. В. (2012) Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года*, М.: Либроком / URSS: 162–174.

— Tsirel' S. V. (2012) Conditions for the emergence of revolutionary situations in Arab countries. *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaia vesna 2011 goda*, M.: Librokom / URSS: 162–174. — in Russ.

- Штомпка П. (1996) *Социология социальных изменений*, М.: Аспект Пресс.
- Sztompka P. (1996) *Sociology of social change*, М.: Aspect Press. — in Russ.
- Adamson M., Borgos S. (1984) *This Mighty Dream: Social Protest Movements in the United States*, Boston: Routledge Kegan & Paul.
- Allagui I., Kuebler J. (2011) The Arab Spring and the Role of ICTs: Editorial Introduction. *International Journal of Communication*, № 5: 1435–1442.
- Blumer H. (1969) *Collective Behavior. Principles of Sociology*, New York: Barnes&Noble: 165–221.
- Bottero W. (2020) *A Sense of Inequality*, London: Rowman & Littlefield Publishers.
- Calderaro A. (2018) Social Media and Politics. *The SAGE Handbook of Political Sociology*, Sage Publications: 781–796.
- Castells M. (2013) *Communication power*, Oxford: Oxford University Press.
- Castells M. (2012) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*, Cambridge: Polity Press.
- Gonzales-Bailon S., Wang N. (2016) Networked disconnected: The anatomy of protest campaigns in social media. *Social Networks*, № 44: 95–104.
- Gonzalez-Bailon S., Borge-Holthoefer J., Moreno Y. (2013) Broadcasters and Hidden Influentials in Online Protest Diffusion. *American Behavioral Scientist*, 50 (7): 943–965.
- Gurney J.N., Tierney K.J. (1982) Relative Deprivation and Social Movements: A Critical Look at Twenty Years of Theory and Research. *The Sociological Quarterly*, (23): 33–47.
- Killian L.M. (1964) Social movements. *Handbook of modern sociology*, Chicago: Rand McNally: 426–455.
- Lanier J. (2018) *Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now*, New York: Henry Holt and Company.
- Melucci A. (1989) *Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society*, London: Hutchinson Radius.
- Meyer D.S., Tarrow S.G. (1997) *The social movement Society: Contentious Politics for a New Century*, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.
- Reuter O.J., Szakonyi D. (2013) Online Social Media and Political Awareness in Competitive Authoritarian Regimes. *British Journal of Political Science*, 45 (1): 29–51.
- Smelser N.J. (1962) *Theory of Collective Behavior*, New York: Free Press of Glencoe.
- Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. (2013) Social Media and the Arab Spring Politics Comes First. *International Journal of Press/Politics*, 18 (2): 115–137.
- Zittrain J.L. (2008) *The Future of the Internet — And How to Stop It*, New Haven: Yale University Press & London: Penguin.

Рекомендация для цитирования:

Цуркан Е. Г. (2022) Причины возникновения и роста социальных движений в контексте интернет-исследований. *Социология власти*, 34 (3-4): 210-226.

For citations:

Tsurkan E. G. (2022) The Reasons for the Emergence and Increase of Social Movements in the Context of Internet Studies. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 210-226.

Поступила в редакцию: 05.11.2022; принята в печать: 19.11.2022

Received: 05.11.2022; Accepted for publication: 19.11.2022